

Др. Фатѣвъ.

Русскій методологъ теоріи права.

(Б. А. Кистяковскій. Соціальныя науки и право. Очерки по методології соціальныхъ наукъ и общей теоріи права. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.

Донецъ-Захаржевская, № 6.

1917.

Русский методолог теории права.

Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. Москва, 1916 г.

I.

Обширное (704+IV стр.) и чрезвычайно интересное сочинение Б. А. Кистяковского, посвященное методологии, касается и по существу главнейших проблем общей теории права, государственного права и права как элемента культуры. Равнообразие и богатство заключенного в нем философско-научного материала не легко поддается изложению в рецензии, по самому назначению своему, ограниченной размерами.

Чтобы легче ориентироваться, попробуем проникнуть в замысел автора. Ферментарной идеей служит проблема, привлекающая внимание большого философа права: как примирить стихийность социальной жизни с сознательно-творческим участием личности, каково отношение социально-необходимого к социально-должному, природы к культуре. Наиболее определенное выражение социально-должного есть право; средою его действия служит общество и государство, а проводниками правовых идеалов является авангард культурного общества: интеллигенция, в частности теоретики правоведения и техники правоприменения—юристы-практики. Вот почему проблемы о праве, об обществе, о государстве, о культуре составили особые отделы книги. Но вместе с тем реальный материал, привлеченный для их решения, несколько затмил методологические мотивы, руководившие автором. Первое место осталось не за формальной методологией, а за методологическими подходами, продуманными на рубежах смежных проблем. Методология стала основой; на нее проектируется план нового научного знания в общей теории права и государства, в общественной философии. В результате мы имеем оригинальную книгу, где методология представлена не в логически-формальном строе, иллюстрируемом примерами, как это делалось до сих пор, а книгу, где раскрытие и применение методологических принципов протекает в едином процессе, изыскания. Автор не хотел пойти здесь за своим философским предметом Кастом, над которым

Гегель смѣялся, что онъ хочетъ научить желающихъ плавать не входя въ воду. Читатель, особенно читатель специалистъ какой-нибудь отрасли права, найдетъ одну или нѣсколько главъ, способныхъ вызвать его вниманіе. Но при переходѣ къ слѣдующимъ его можетъ встрѣтить и новая тема, на первый взглядъ, несвязанная съ предшествующими. За этимъ послѣдуетъ сожалѣніе, что развитіе прежней темы какъ бы прервалось. Однако, если бы это случилось, читательское разочарованіе, какъ увидимъ ниже, можетъ относиться развѣ къ техничѣскому выполнению авторомъ своего труда, а не къ сущности его. Въ поискахъ правильныхъ методологическихъ исходныхъ пунктовъ и путей онъ старается подвести къ развитію темы настолько, насколько это представляется ему необходимымъ для достиженія специально поставленной себя задачи. Изложивъ результаты, онъ переходитъ къ очередной проблемѣ. И все же онъ исполняетъ, что обѣщаль. А онъ обѣщаль не социально-научную и философско-правовую систему (дѣло иное, въ правѣ ли онъ былъ ограничиться такимъ обѣщаніемъ), а лишь подготовку и разработку путей и понятій, помогающихъ добывать и создавать научное знаніе. Авторъ весь въ процессѣ изслѣдованія и познаванія.

Онъ философъ права, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и при томъ—философъ методологии, не оставляющій безъ вниманія ни одного продвиженія современной науки, ни ея силы и побѣды, передъ которыми авторъ преклоняется, ни ея немощи и пораженія, которыя авторъ старается объяснить.

II.

Съ послѣднюю онъ и начинается. Что наука переживаетъ кризисъ, имѣются признаки, особенно рѣзко выступающіе, по его мнѣнію, послѣ недавняго періода ея торжества. Авторъ видитъ ихъ въ появленіи доктринъ, то обезцѣнивающихъ теорію, обращая ее въ совокупность полеано рабочихъ гипотезъ, то въ отказѣ отъ дискурсивнаго мышленія и переходѣ къ интуиціи, то въ апелляціи къ вѣрѣ. У самихъ нѣкоторыхъ представителей социальныхъ наукъ шатается увѣренность въ племосообразности примѣненія методовъ естествознанія и дѣлается попытка замѣнить ихъ иными. Авторъ не идетъ такъ далеко, какъ нѣкими ламентациями и полагаетъ, что лучшимъ средствомъ было бы обратиться къ пересмотру философическихъ и методологическихъ предпосылокъ науки, въ частности науки социальной, гдѣ дѣло обстоитъ еще сложнее и еще труднѣе. Здѣсь трудность только начинается тамъ, гдѣ, по видимому, у натуралиста получается удовлетвореніе.

Успѣхи естествознанія, подняли въ прошломъ столѣтіи кредитъ науки. Однако уже въ концѣ его и въ началѣ настоящаго вѣка пришлось наблюдать паденіе этого кредита до такой степени, что стали говорить о «банкротствѣ» науки. О критическихъ моментахъ свидетельствуютъ нѣкій рядъ симптомовъ. Таковы, напр., появленіе, кромѣ вышеупомянутыхъ доктринъ, доктринъ въ родѣ прагматизма, изводящихъ научную теорію до степени рабочей гипотезы и тѣмъ обезцѣнивающихъ научную истину. Замѣтно здѣсь «разочарованіе въ силѣ науки». Кризисъ и въ социальныхъ наукахъ; онъ иллюстрируется неудачей пробныхъ аналогій, переносимыхъ сюда, на примѣръ, органической теоріей естествознанія. Самы представители социальной науки, сторонники примѣненія естественно-научныхъ методовъ въ своей области изслѣдованія, теперь сознаются въ тщетности подобнаго предпріятія. Такъ, на примѣръ эвонимистъ Зомбартъ вновь возвращается къ старому вопросу: наука о природѣ и человѣкѣ. Въ такъ называемыхъ гуманитарныхъ наукахъ Зомбартъ только и находитъ возможнымъ примѣненіе индивидуальнаго творчества, на подобіе художественнаго. Это вызываетъ рѣшительное осужденіе Б. А. Кистяковскаго; оно можетъ быть формулировано вопросомъ: развѣ индивидуальность научнаго творчества освобождаетъ ученаго отъ обязанности согласоваться съ общеобязательными принципами логики и методологии? Наличие кризиса въ области социальныхъ наукъ нельзя отрицать, его надо объяснить. И авторъ объясняетъ «полной увѣренностью въ объективной значимости результатовъ социально-научныхъ изслѣдованій». Какія же средства изслѣденія? «Прежде всего (должно быть) уничтожено ихъ рабство передъ социальной философией». «Социальныя науки должны быть выведены на широкую дорогу естество-научнаго знанія, по которой уже давно шествуютъ науки естественныя». А такъ какъ психологія близка къ философіи, то—(вторая причина научнаго кризиса)—психологизмъ долженъ быть выправленъ въ социальныхъ наукахъ. Кромѣ такихъ оперативныхъ средствъ леченія, необходимо прибѣгнуть и, конститутивныя: вѣрное образованіе понятій, правильное примѣненіе причиннаго объясненія, установитъ значеніе нормальности, закономѣрности социальныхъ явленій. Последнее требуетъ рѣшенія трехъ основныхъ задачъ социально-научнаго познанія: обработки социальныхъ явленій съ точки зрѣнія категорій общности, необходимости и законности. Авторъ сосредоточиваетъ вниманіе главнымъ образомъ на двухъ послѣднихъ категоріяхъ. Лейтъ-мотивъ всей книги, насколько мы понимаемъ ее, какъ бы непримиримое противорѣчіе между предпосылкой о стихійности социальной жизни, съ одной стороны, и цѣле-

совместной актуальности личности — с другой. Къ этому мотиву примыкает и методологическая проблема антагонизма или симбиоза между категорией закономерности, которая служит научнымъ выражениемъ необходимости и оценочной нормативности, символизирующей должное-своё, критерий культурнаго творчества лица. Только всомнившись объ этомъ действии-мотиве, можно понять, почему авторъ уделяетъ такое внимание и часто русской субъективно-социологической школе. Какъ известно, она, въ лицѣ своего яркаго представителя Н. К. Михайловскаго, отказалась разорвать правду на истину и справедливость. Обоснование этой школой должностно-возможности, въ противоположность философскому идеализму, вызываетъ подробную критику Б. А. Кистяковского. Кроме воззрѣній Михайловскаго подтверждающаго разборъ мѣтнѣя В. В. Капеллина и Карѣева. Въ примѣчаніи полемика съ А. В. Пѣнехоновымъ, которая, по характеру сужденія личныхъ счетовъ, могла бы быть оценена безъ ущерба для дѣла. Онъ подтверждаетъ тщательному и разно-стороннему анализу категорию возможности, начиная съ обобщеннаго ея пониманія и примененія вплоть до философскихъ рѣшеній, историю теоретическихъ споровъ. Въ результатъ приходитъ къ заключенію, что эта, — единственная въ мировой социологической литературѣ, — попытка разрѣшить проблему необходимости и должностно-возможности посредствомъ внесенія понятий объективной и субъективной возможности въ должностно-возможности (118) (possibilitas-potentia), не увѣнчивается успехомъ, такъ и самый субъективный методъ въ социологии. «Классификація причинныхъ связей на необходимые и возможные заключаетъ въ себѣ логическое противорѣчье». «Пока мы рассматриваемъ явления въ ихъ причинныхъ соотношеніяхъ, мы должны смотрѣть на нихъ какъ на необходимые и не имѣемъ права рассматривать ихъ какъ возможные». Этотъ результатъ возвращаетъ исследование вновь къ проблемѣ необходимости и должностно-возможности, закономерности и оценки. При чемъ авторъ анонсируетъ читателю, что эта проблема рѣшается или съ трансцендентальной нормативной точки зрѣнія, или метафизически, третьяго позиционно-научнаго и эмпирическаго рѣшенія ихъ не существуетъ (110 стр.). И тутъ же (119 стр.) намѣчаетъ ея рѣшеніе. Необходимость и должностно-возможность «не противорѣчатъ другъ другу, такъ какъ должностно-возможность вмѣщаетъ въ себѣ необходимость и возвышается надъ нею. Познавая необходимо-совершающееся въ социальномъ процессѣ, человекъ познаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ материалъ, по отношенію къ которому и границы, въ которыхъ онъ долженъ исполнять свой долгъ». (Буржуазный авторъ).

Послѣ анализа понятія возможности слѣдуетъ критика понятія случайнаго, или такъ противопоставляемаго необходимости, т. е. категоріи закономерности. Въ известномъ смыслѣ случайнымъ является все не-закономерное, все индивидуальное. А таково каждое явление природы, ибо на ней не повторяется. И тѣмъ не менѣе закономерность существуетъ. «Отсутствіе какой-нибудь естественной законности — это и значитъ отсутствіе однородныхъ явленій, стоящихъ въ причинной связи» (122). Но въ природѣ нѣтъ ничего изолированнаго. Поэтому законы, такъ сказать, естественнымъ образомъ выбираютъ ряды явленій, но эти ряды не могутъ истиннымъ образомъ представить все многообразіе жизненной конкретности. Вотъ за бортомъ такихъ закономерныхъ рядовъ и остается каждое «отдельное явление въ своей индивидуальной сферѣ», которое «судебно неполно случайно». Въ противоположность естественно-историческому теченію смысла слова, «по большей части совсѣмъ чудается всякая общность. Она стремится возстановить фактъ во всей его индивидуальной сферѣ». Ея задача — «воспроизвести его такимъ, каковы онъ былъ, какъ единичное, неповторяющееся явление» (126 стр.). Исторія также требуетъ причинную обработку явленій, не имѣющую «ничего общаго» (130 стр.) съ эмпирической и логической точки зрѣнія съ причинностью естественнаго. «Въ противоположность натуральному историческому изслѣдованію то индивидуальное стеченіе и пересѣченіе различныхъ рядовъ причинно-обусловленныхъ явленій, которое пришло въ данному событію». Это стеченіе «не должно было необходимо произойти, и «было совершенно «случайнымъ». Характеръ индивидуально-причинной связи явленій въ исторіи историческаго противоположенъ характеру связи естественно-научнаго изслѣдованія, т. е. причиннымъ соединеніемъ съ причиннымъ имъ предикатомъ безусловной необходимости (131 стр.) и по содержанию послѣдней съ предикатами безпротравственности и безвременности.

Авторъ, указывая на отсутствіе принципиальнаго различія въ объектахъ естественно-научнаго и историческаго изслѣдованія, устанавливаетъ различіе въ методологической обработкѣ материала (различный смыслъ причинности въ сужденіяхъ: сужденіе естественнаго историческаго историческаго «такой-то такъ необходимо должно было», сужденіе историческаго асерторно: «такой-то такъ или такъ было» 128 стр.). Усматривая также различіе въ критеріи безусловной необходимости, отличающаго естественное историческое, авторъ переходитъ къ установленію методологическаго значенія категории необходимости при изслѣдованіи социальныхъ явленій. Другими словами, рѣчь идетъ объ установленіи социальныхъ законовъ без-